Скотской бунтъ.

(Письмо малороссійскаго помѣщика къ своему петербургскому пріятелю).

Посмертный очеркъ **Н. И. Костомарова** *).

У насъ происходили необыкновенныя событія, до того необыкновенныя, что, если бъ я не видалъ ихъ собственными глазами, то ни за что не повѣрилъ бы, услышавши объ нихъ отъ кого бы то ни было, или прочитавъ гдѣ-нибудь. Событія совершенно невѣроятныя. Бунтъ, возстаніе, революція!

Вы подумаете, что это какое-то неповиновеніе подчиненныхъ или подначальныхъ противъ своихъ властей. Точно такъ. Это бунтъ не то что подчиненныхъ, а подневольныхъ, только не людей, а скотовъ и домашнихъ животныхъ. Мы привыкли считать всѣхъ животныхъ существами безсловесными, а потому и неразумными. Подъ угломъ человѣческаго воззрѣнія оно кажется логичнымъ: не умѣютъ говорить, какъ мы говоримъ между собою, стало-быть, и не думаютъ и ничего не разумѣютъ!

Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Мы не можемъ объясняться съ ними и оттого считаемъ ихъ неразумными и безсловесными, а на самомъ дѣлѣ выходитъ, какъ пообсудимъ хорошенько, что мы сами не разумѣемъ ихъ языка. Вѣдь ученые доказываютъ, что названіе „нѣмецъ“ значитъ нѣмой, и эта кличка дана славянами народамъ тевтонскаго племени оттого, что славяне не понимали рѣчи этихъ народовъ. Точно то же произошло и здѣсь.

Въ послѣднее время наука начала открывать, что у животныхъ, которыхъ мы, по нашему легкомыслію, честимъ безсловесными и неразумными, есть свой способъ передавать впечатлѣнія—свой собственный языкъ, не похожій на нашъ, человѣческій. Объ этомъ уже писано было много. Мы, живучи въ хуторской глуши, не читаемъ такихъ сочиненій, слышимъ только, что есть они гдѣ-то въ Европѣ; зато у насъ найдутся такіе мудрецы, которые получше европейскихъ ученыхъ ознакомились со способами, какими скоты выражаютъ свои мысли.

И въ нашемъ хуторѣ есть такой мудрецъ. Зовутъ его Омелько. Удивительный, я вамъ скажу, человѣкъ! Никакихъ книгъ онъ не читалъ, да и грамотѣ не учился, а знаетъ въ совершенствѣ языки и нарѣчія всѣхъ домашнихъ животныхъ: и воловъ, и лошадей, и овецъ, и свиней, и даже куръ и гусей! И какъ онъ, подумаете, могъ этому всему научиться, когда ни у васъ ни у насъ да и нигдѣ нѣтъ ни грамматикъ ни словарей скотскихъ нарѣчій!

Все постигъ Омелько, благодаря своимъ необычнымъ способностямъ, безъ всякихъ руководствъ, вооружаясь единственно продолжительною, упорною наблюдательностью надъ скотскими нравами и бытомъ.

Омелько находится при скотахъ отъ младыхъ ногтей, уже болѣе сорока лѣтъ. Такихъ у нась въ Малороссіи не мало, но никто не достигъ и четверти тѣхъ познаній, какими обладаетъ Омелько. Онъ до того усвоилъ языкъ скотовъ, что стòитъ только волу замычать, овцѣ заблеять, свиньѣ захрюкать,—и Омелько сейчасъ вамъ скажетъ, чтò животное хочетъ выразить. Этотъ единственный въ своемъ родѣ знатокъ скотской природы ни за что не соглашается съ тѣми, которые допускаютъ въ скотахъ присутствіе умственныхъ способностей только въ слабой степени въ сравненіи съ человѣческими. Омелько увѣряетъ, что скоты показываютъ ума не меньше, какъ и человѣкъ, а иногда даже и больше. Сколько разъ, бывало, замѣчалъ по этому поводу Омелько: „поѣдешь ночью, дорогу плохо знаешь и собьешься, ищешь-ищешь, не находишь; тогда коню своему дай волю, онъ самъ лучше найдетъ дорогу и привезетъ тебя, куда нужно“.

И съ волами такое бываетъ: пасутъ мальчишки воловъ, да заиграютъ или заспятъ, а воловъ растеряютъ; плачутъ потомъ, бѣдные, а волы—сами безъ пастуховъ домой прибредутъ. Одинъ разъ понамарь, пріѣзжавшій изъ нашего прихода, чтò за семь верстъ, сталъ разсказывать про Валаама и его ослицу, которую для удобопонятливости переименовалъ въ кобылу. Омелько, слушая, сказалъ: „нѣтъ ничего мудренаго: значитъ, лошадиный языкъ понималъ. Дѣло возможное. И мнѣ бы, можетъ-быть, кобыла такое сказала“. Многое, очень многое, сообщалъ намъ Омелько изъ своихъ многолѣтнихъ опытовъ обращенія со скотами разныхъ породъ, объясняя странное событіе, о которомъ мы сейчасъ разскажемъ.

Еще съ весны 1879 года у меня въ имѣніи между скотами разныхъ наименованій начали показываться признаки сопротивленія и непокорства, возникъ духъ какого-то революціоннаго движенія, направленнаго противъ власти человѣческой, освѣщенной вѣками и преданіями.

По замѣчанію Омелька, первые симптомы такого направленія появились у бугаевъ, которые вездѣ съ незапамятныхъ временъ отличались склонностью къ своеволію, почему нерѣдко человѣкъ принужденъ былъ прибѣгать къ строгимъ, иногда жестокимъ, мѣрамъ для ихъ обузданія. У насъ въ имѣніи былъ такой бугай, что его боялись пускать со стадомъ въ поле, держали постоянно въ запертомъ загонѣ, а когда водили на водопой, то не иначе, какъ съ цѣпями на ногахъ и съ деревяннымъ зонтикомъ, устроеннымъ надъ глазами, для того, чтобы не дать ему ничего видѣть на пути передъ собою; иначе онъ былъ такъ свирѣпъ, что на каждаго встрѣчнаго бросится и подниметъ его на рога ни за что ни про что. Нѣсколько разъ думалъ-было я убить его, но каждый разъ спасалъ ему жизнь Омелько, увѣряя, что этотъ бугай обладаетъ такими великими достоинствами, присущими его бычачьей натурѣ, что потерю его не легко замѣнить будетъ другимъ бугаемъ.

По настоянію Омелька я рѣшилъ оставить его въ живыхъ, но съ тѣмъ, чтобы взяты были самыя строгія мѣры предосторожности, чтобъ этотъ буянъ не надѣлалъ кому-нибудь непоправимой бѣды. Бывало, когда ведутъ его, то деревенскіе мальчишки, заслышавши еще издали его страшный ревъ, разбѣгались въ разныя стороны, чтобъ не попасться навстрѣчу свирѣпому животному. Всѣ мы думали, что только скотская прыть и тоска отъ нескончаемой неволи дѣлали его такимъ свирѣпымъ, но Омелько, руководствуясь своимъ знаніемъ скотскихъ нарѣчій, подмѣтилъ, что ревъ нашего бугая выражалъ нѣчто поважнѣе: агитацію къ мятежу и неповиновенію.

У бугаевъ, по соображеніямъ Омелька, бываютъ такія качества, какія встрѣчаются у нѣкоторыхъ особей изъ нашего брата-человѣка: у нихъ какая-то постоянная неукротимая страсть волновать безъ всякой прямой цѣли, смута для смуты, мятежъ для мятежа, драка для драки; спокойствіе имъ пріѣдается, отъ порядка ихъ тошнитъ, имъ хочется, чтобъ вокругъ нихъ все бурлило, все шумѣло; при этомъ ихъ восхищаетъ сознаніе, что все это надѣлано не кѣмъ другими, а ими. Такихъ существъ можно найти, какъ мы сказали, между людьми; есть они и между скотами. Такимъ былъ и нашъ бугай, и отъ него-то, всескотнаго агитатора, пошло начало

*) Рукопись эта найдена при разборѣ бумагъ покойнаго Николая Ивановича Костомарова, и печатается съ разрѣшенія Литературнаго Фонда, которому принадлежитъ право собственности на всѣ сочиненія нашего знаменитаго историка.

ужаснаго возстанія, о которомъ идетъ рѣчь. Стоя постоянно въ своемъ загонѣ въ грустномъ одиночествѣ, нашъ бугай ревѣлъ безпрестанно и днемъ и ночью, и Омелько, великій знатокъ бычачьяго языка, услышалъ въ этомъ ревѣ такія проклятія всему роду человѣческому, какихъ не выдумалъ бы самъ Шекспиръ для своего Тимона Аѳинскаго; когда же сходились въ вечеру въ загонъ съ пастбищъ волы и коровы, бугай заводилъ вечернія бесѣды со своимъ рогатымъ братствомъ, и тутъ-то удалось ему посѣять между товарищами по породѣ первыя сѣмена преступнаго вольнодумства. Омелько за свою долголѣтнюю службу возведенъ былъ въ санъ главноуправляющаго всею скотскою областью, и въ его вѣдомствѣ были уже не только волы и коровы, но и овцы, и козы, и лошади, и свиньи. Само собою разумѣется, что, на высотѣ своего министерскаго достоинства, при многочисленныхъ и разнообразныхъ занятіяхъ, ему невозможно было быть часто близкимъ свидѣтелемъ такихъ возмутительныхъ бесѣдъ и потому тотчасъ принять первоначальныя предупредительныя мѣры,— то была обязанность низшихъ должностныхъ лицъ.

Но при глубокомъ знакомствѣ со скотскою рѣчью и со скотскими нравами Омельку было достаточно раза два-три зайти въ загонъ, гдѣ помѣщался рогатый скотъ, чтобы по нѣкоторымъ подмѣченнымъ чертамъ впослѣдствіи, когда произошелъ взрывъ мятежа, тотчасъ узнать, откуда истекалъ онъ въ самомъ началѣ. Къ сожалѣнію, замѣчу я, Омелько отличался чрезвычайною кротостью и мягкостью въ системѣ управленія и снисходительно относился къ тому, противъ чего бы, какъ показали послѣдствія, слѣдовало тогда еще прибѣгнуть къ самымъ крутымъ способамъ искорененія зла въ самомъ зародышѣ. Не одинъ разъ до ушей Омелька, входившаго на короткое время неожиданно въ загонъ, долетали возмутительныя выходки бугая, но Омелько смотрѣлъ на нихъ, какъ на заблужденія молодости и неопытности. Рѣчи же, произносимыя бугаемъ на такихъ митингахъ, были въ переводѣ на человѣческій языкъ такого смысла:

— Братья-волы, сестры и жены-коровы! Почтенные скоты, достойные лучшей участи, чѣмъ та, которую вы несете по волѣ невѣдомой судьбы, отдавшей васъ въ рабство тирану-человѣку! Долго,—такъ долго, что по нашей скотской памяти прикинуть, какъ долго,—пьете вы ушатъ бѣдствій и допить его до дна не можете!

„Пользуясь превосходствомъ своего ума передъ нашимъ, коварный тиранъ поработилъ насъ, малоумныхъ, и довелъ до того, что мы потеряли достоинство живыхъ существъ и стали какъ бы немыслящими орудіями для удовлетворенія его прихотей. Доютъ люди нашихъ матерей и женъ, лишая молока нашихъ малютокъ-телятъ, и чего-то ни выдѣлываютъ они изъ нашего коровьяго молока! А вѣдь это молоко—наше достояніе, а не человѣческое! Пусть бы люди, вмѣсто нашихъ коровъ, своихъ бабъ доили, такъ нѣтъ: свое, видно, имъ не такъ хорошо, наше, коровье, вкуснѣе! Но это бы еще ничего. Мы, скоты, народъ добросердечный, дозволили бы себя доить, лишь бы чего хуже съ нами не дѣлали. Такъ нѣтъ же; посмотрите, куда дѣваются бѣдные телята. Положатъ бѣдняжекъ-малютокъ на возъ, свяжутъ имъ ножки и везутъ! А куда ихъ везутъ? На зарѣзъ везутъ бѣдненькихъ малютокъ, оторванныхъ отъ материныхъ сосцевъ! Алчному тирану понравилось ихъ мясо, да еще какъ! За лучшее себѣ кушанье онъ его считаетъ! А со взрослыми братьями нашими что̀ тиранъ выдѣлываетъ?

„Вонъ, братія наша, благородные волы, неся на выяхъ своихъ тяжелое ярмо, волочатъ плугъ и роютъ имъ землю: нашъ тиранъ бросаетъ въ изрытую воловьимъ трудомъ землю зерна, изъ тѣхъ зеренъ выростаетъ трава, а изъ той травы умѣетъ нашъ тиранъ сдѣлать такую вотъ глыбу, словно бы земля, только бѣлѣе, и называетъ это нашъ тиранъ хлѣбомъ и пожираетъ его затѣмъ, что оно очень вкусно.

„А нашъ братъ-рогачъ пусть отважится забраться на ниву, вспаханную прежде его же собственнымъ трудомъ, чтобъ отвѣдать вкусной травки, сейчасъ гонятъ нашего брата оттуда бичомъ, а не то и дубиною. А вѣдь по правдѣ, такъ наше достояніе—трава, что̀ выростаетъ на той нивѣ, а не человѣка: вѣдь наша братія тащила плугъ и землю взрывала; безъ того трава эта не выросла бы на нивѣ сама собою. Чья была работа—тотъ и пользуйся тѣмъ, что̀ вышло изъ той работы. Слѣдовало бы такъ: насъ въ плугъ запрягали, нашимъ трудомъ вспахали ниву, такъ намъ и отдай траву, что̀ на той нивѣ посѣяна, а коли такъ, что и ему, человѣку, нужно взять себѣ за то зерно, что̀ онъ бросалъ въ изрытую нашимъ трудомъ землю, такъ ужъ по крайности такъ: половину отдай намъ, а другую половину себѣ возьми. А онъ, жадный, все одинъ себѣ забираетъ, намъ же достаются отъ него одни побои. Но братъ нашъ скотъ такой добросердечный народъ, что и на то бы согласился. Такъ развѣ этимъ и кончается жестокость нашего тирана надъ взрослыми волами!

„Случалось ли вамъ, братцы, пасясь въ полѣ, видѣть, какъ по столбовой дорогѣ гонятъ стадо нашего брата рогатаго скота либо овецъ. Стадо такое жирное, веселое, играетъ! Подумаете: сжалился тиранъ, раскаялся въ своихъ злодѣяніяхъ надъ нашею породою. Откормилъ нашу братію и на волю пустилъ! Какъ бы не такъ! Глупое стадо играетъ и думаетъ, что его и впрямь отпустили на волю, въ широкую степь провожаютъ. Узнаетъ скоро оно, какая воля его ожидаетъ! Тиранъ точно кормилъ его; все лѣто нашъ братъ-скотъ гулялъ на степи въ полномъ довольствѣ, и работою его не томили, но зачѣмъ это дѣлалось? Отчего тиранъ сталъ къ скотамъ такъ милостивъ? А вотъ зачѣмъ; спросите, куда теперь это стадо гонятъ, и узнаете, что злодѣй-хозяинъ продалъ свое стадо другому злодѣю человѣческой породы, а тотъ гонитъ его въ большіе людскіе загоны, что̀ зовутся у нихъ городами. Какъ только пригонятъ туда стадо, такъ и поведутъ бѣдныхъ скотовъ на бойню, и тамъ старымъ воламъ будетъ такая же участь, какъ молодымъ телятамъ, да еще мучительнѣе. Знаете ли, братцы, что̀ такое эта бойня, куда ихъ пригонятъ? Холодъ пройдетъ по нашимъ скотскимъ жиламъ, какъ вообразишь, что̀ тамъ дѣлается, на этой бойнѣ, и не даромъ нашъ братъ-скотъ жалобно мычитъ, когда приближается къ городу, гдѣ находится бойня. Привяжутъ несчастнаго вола къ столбу, злодѣй подойдетъ къ нему съ топоромъ, да въ лобъ его промежъ роговъ какъ ударитъ,—волъ отъ страха и отъ боли заревѣтъ, поднимется на дыбы, а злодѣй его въ другой разъ ударитъ, да потомъ ножомъ по горлу; за первымъ воломъ второго, а тамъ третьяго; да такъ десятокъ, другой, цѣлую сотню воловъ повалитъ; кровь бычачья льется потоками; потомъ начинаютъ снимать съ убитыхъ шкуры, мясо рубятъ въ куски и продаютъ въ своихъ лавкахъ, а другіе волы, которыхъ также пригонятъ въ городъ на смерть, идутъ мимо тѣхъ лавокъ и видятъ: виситъ мясо ихъ товарищей, и чуетъ ихъ бычачье сердце, что скоро и съ ними самими то же станется! Изъ нашихъ шкуръ тиранъ приготовляетъ себѣ обувь, чтобъ ноги свои проклятыя охранять, дѣлаетъ изъ тѣхъ же нашихъ шкуръ разнаго вида мѣшки, куда вещей своихъ наложитъ и на возъ взвалитъ, а въ такой возъ нашу же рогатую братью запряжетъ, да еще изъ нашихъ же шкуръ вырѣзываетъ узкія полосы, бичи, и насъ же лупитъ тѣми бичами, нашею шкурою; а иногда и одинъ другого тѣми бичами изъ нашей шкуры они бьютъ! Тираны безсердечные! Не съ нами одними они поступаютъ такимъ образомъ; и промежъ себя не лучше они расправляются! Одинъ другого порабощаетъ, одинъ другого грызетъ, мучитъ... злая эта людская порода! Злѣе ея на свѣтѣ

нѣтъ! Всѣхъ звѣрей злѣе человѣкъ! И такому-то лютому, кровожадному звѣрю достались мы, скоты простодушные, въ тяжелую невыносимую неволю! Не горькая ли, послѣ этого, участь наша!

„Но въ самомъ ли дѣлѣ нѣтъ намъ выхода? Въ самомъ ли дѣлѣ мы такъ слабы, что никогда и никакъ не можемъ освободиться изъ неволи? Развѣ у насъ нѣтъ роговъ? Мало развѣ бывало случаевъ, когда наши братья-рогачи, въ порывѣ справедливаго негодованія, распарывали рогами животы нашимъ утѣснителямъ? Развѣ не случалось, что, какъ нашъ рогатый братъ задѣнетъ ногой человѣка, такъ сразу ему ногу или руку перешибетъ? Безсильны мы, что ли? Но вѣдь нашъ злодѣй запрягаетъ нашего рогатаго брата именно тогда, когда нужно бываетъ перевозить большую тяжесть, какой самому человѣку не поднять.

„Стало-быть, нашъ тиранъ самъ хорошо знаетъ, что у насъ много силы, побольше, чѣмъ у него самого. Угнетатель смѣлъ съ нами тогда только, когда не ждетъ отъ насъ сопротивленія, когда же увидитъ, что наши ему не поддаются, то зоветъ другихъ своихъ братій-людей, и эти прибѣгаютъ къ коварству надъ нами. Иногда все бычачье стадо не захочетъ повиноваться скотарю, онъ его гонитъ вправо, а оно хочетъ итти влѣво: тутъ скотарь покличетъ другихъ скотарей, и обступятъ нашихъ тѣ скотари съ одной стороны, а тѣ съ другой, а третьи спереди станутъ и пугаютъ нашего брата и такъ поворачиваютъ все стадо, куда хотятъ. Наши, по малоумію своему, того не смекнутъ, что, хоть и обступили ихъ кругомъ скотари, а все-таки ихъ менѣе, чѣмъ нашего брата въ стадѣ: не покорились бы да, рогами напирая на скотарей, пошли бы, такъ и не сладили бы скотари со стадомъ, а то вотъ не смекнутъ, что̀ имъ надобно дѣлать, и слушаются, и идутъ, куда ихъ гонятъ, а сами только вздыхаютъ, да и есть отчего вздыхать: нашему брату хотѣлось бы вкусной травки въ рощѣ покушать, да поиграть маленько по нашему нраву: рожками пободаться для забавы, объ дерево потереться, а насъ туда не пускаютъ и гонятъ въ такой выгонъ, гдѣ кромѣ низкаго спорышу нечего пощипать, либо же въ скучный загонъ загоняютъ жевать солому. Все это оттого, что мы человѣку послушны и боимся показать ему свое скотское достоинство. Перестанемъ повиноваться тирану, заявимъ ему не однимъ только мычаньемъ, но дружнымъ скаканіемъ и боданіемъ, что мы хотимъ, во что бы то ни стало, быть вольными скотами, а не трусливыми его рабами.

„О, братья-волы и сестры-коровы! Мы долго были юны, недозрѣлы! Но теперь иная пришла пора, иныя наступили времена! Мы уже достаточно созрѣли, развились, поумнѣли! Пришелъ часъ сбросить съ себя гнусное рабство и отомстить за всѣхъ предковъ нашихъ, замученныхъ работою, заморенныхъ голодомъ и дурнымъ кормомъ, павшихъ подъ ударами бичей и подъ тягостью извоза, умерщвленныхъ на бойняхъ и растерзанныхъ на куски нашими мучителями. Ополчимся дружно и единорожно!

„Не мы одни, рогатый скотъ, пойдемъ на человѣка: съ нами заодно грянутъ на него и лошади, и козы, и овцы, и свиньи... Вся тварь домашняя, которую человѣкъ поработилъ, возстанетъ за свою свободу противъ общаго тирана. Прекратимъ же всѣ наши междоусобія, всѣ несогласія, подающія къ междоусобіямъ поводы, и будемъ каждую минуту помнить, что у всѣхъ насъ одинъ общій врагъ и утѣснитель.

„Добьемся равенства, вольности и независимости, возвратимъ себѣ ниспроверженное и попранное достоинство живыхъ скотовъ, вернемъ тѣ счастливыя времена, когда скоты были еще свободны и не подпадали подъ жестокую власть человѣка. Пусть станетъ все такъ, какъ было въ иное блаженное, давнее время: снова всѣ поля, луга, пастбища, рощи и нивы—все будетъ наше, вездѣ будемъ имѣть право пастись, брыкать, бодаться, играть... Заживемъ въ полной свободѣ и въ совершенномъ довольствѣ. Да здравствуетъ скотство! Да погибнетъ человѣчество!“

Эта возмутительная рѣчь бугая возымѣла свое дѣйствіе. Послѣ того въ продолженіе цѣлаго лѣта рогатые скоты разносили революціонныя идеи по загонамъ, пастбищамъ, выгонамъ, начались подъясеньныя, подзаборныя, поддубравныя совѣщанія, толковали все о томъ, какъ и съ чего открыть бунтъ противъ человѣка. Многіе были такого убѣжденія, что нѣтъ ничего проще, какъ дѣйствовать по одиночкѣ, колоть рогами то того, то другого скотаря, пока всѣхъ переведутъ, тѣ же, которые были поотважнѣе, представляли, что лучше сразу уничтожить того, кто всѣмъ скотарямъ даетъ приказанія,—самого господина заколоть. Но тѣ изъ воловъ, которые хаживали подъ чумацкими обозами по дорогамъ и имѣли возможность расширить горизонтъ своего міровоззрѣнія, подавали такую мысль: „что̀ изъ того, если мы заколемъ тирана? Его не станетъ, другой на его мѣсто отыщется. Если ужъ предпринимать великое дѣло освобожденія скотства, то надобно дѣлать прочно, совершить коренное преобразованіе скотскаго общества, выработать нашимъ скотскимъ умомъ такія основы, на которыхъ бы навсегда утвердилось его благосостояніе. Да и можемъ ли мы, рогатые скоты, одни все устраивать для всѣхъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Это дѣло не наше исключительное, но разомъ и другихъ скотскихъ породъ, находящихся у человѣка въ порабощеніи. И лошади, и козы, и овцы, и свиньи, и, пожалуй, еще вся домашняя птица, всѣ должны подняться на общаго тирана и, низвергнувши съ себя гнусное рабство, на общемъ всескотномъ собраніи устроить новый вольный союзъ“.

Такія бычачьи предначинанія перешли къ лошадямъ, которыя, составляя табунъ, паслись на одномъ полѣ съ рогатымъ скотомъ. И въ ихъ ржущее общество проникъ духъ мятежа. По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ Омелькомъ, лошадиный языкъ совершенно отличенъ отъ бычачьяго, но совмѣстное жительство установило точки сближенія двухъ породъ. Между лошадьми распространялось знаніе языка бычачьяго, а между волами—лошадинаго. Что̀ въ бычачьей породѣ значилъ бугай, то между лошадьми во всѣхъ отношеніяхъ значили жеребцы.

Жеребцы были народъ буйный, задорный, наклонный ко всякаго рода своевольствамъ, самою природою, можно сказать, предназначенный къ роли агитаторской. Въ моемъ имѣніи въ конскомъ табунѣ былъ рыжій жеребецъ, большой забіяка. Бывало, когда его ведутъ, то не иначе, какъ спутаютъ ему ноги, и двое табунщиковъ держатъ его за поводья. Попытались его одинъ разъ запрячь въ оглобли и погнать по дорогѣ съ телѣгою, но онъ тотчасъ самовольно свернулъ въ сторону, вскочилъ передними ногами на первую попавшуюся ему на глаза хату и заржалъ во всю глотку. Другой разъ пріѣхали ко мнѣ гости; я приказалъ привести его напоказъ вмѣстѣ съ другими красивѣйшими лошадьми; онъ двухъ мериновъ ни съ того ни съ сего покусалъ, третьяго копытами задѣлъ, а когда мерины стали давать ему сдачи, то поднялся такой кавардакъ, что я приказалъ поскорѣе разнять ихъ и угнать прочь.

Такой проказникъ! Но, какъ ни бивалъ онъ въ игрушкахъ свою братью, а между лошадьми пользовался большимъ уваженіемъ, и всѣ были готовы слушаться его во всемъ. Въ нравахъ лошадиной породы драчливость не считается порокомъ, напротивъ, даетъ право на уваженіе и вниманіе: ни дать ни взять, какъ бывало когда-то у варяговъ. Вотъ этотъ-то рыжій агитаторъ сталъ возмущать лошадей противъ человѣческаго господства:

— Довольно терпѣть отъ человѣческаго тиранства! — вопилъ онъ.—Двуногій злодѣй поработилъ насъ, отъ вѣка вольныхъ четвероногихъ тварей, и держитъ наши поколѣнія за поколѣніями въ ужаснѣйшей неволѣ! Чего ни

дѣлаетъ онъ съ нами! Какъ ни надругается надъ нами! Сѣдлаетъ насъ, ѣздитъ на нашихъ спинахъ верхомъ и предаетъ насъ на погибель своимъ врагамъ! Знаете ли, что̀ называется у людей кавалеріей? Тѣ кони, что̀ взяты были въ ихъ кавалерію, разсказываютъ ужасы о томъ, что̀ тамъ творится съ нашимъ братомъ! Дыбомъ гривы становятся, когда слушаешь ихъ разсказы!

„Усядутся на нашего брата верхомъ люди и несутся одни на другихъ, хотятъ убивать другъ друга, да насъ убиваютъ. Не жалко насъ ихъ безпощадному, суровому сердцу! Сколько тутъ проливается благородной конской крови! Какія ужасающія зрѣлища открываются тогда! Иной несчастный конь, потерявши одну ногу, скачетъ вслѣдъ за другими на трехъ ногахъ, истекая кровью, пока не упадетъ безъ чувствъ; другой, потерявъ разомъ двѣ ноги, ползаетъ, напрасно силясь стать на остальныхъ двухъ; третій пробитъ въ грудь, валяется и желаетъ себѣ смерти, у четвертаго глаза выбиты, у пятаго голова разрублена... Грудами навалены конскіе трупы вмѣстѣ съ человѣчьими!

„И за что это? Мы, бѣдные, развѣ знаемъ, за что такъ они дерутся между собою? Ихъ это дѣло, а не наше. Коли не поладили между собою, ну и дрались бы, грызлись бы между собою, рѣзали бы другъ друга. Вѣдь, когда мы между собою поссоримся, сами грыземся, кусаемся, брыкаемся, а ихъ не зовемъ, не путаемъ въ наши ссоры! Зачѣмъ же они, перессорившись между собою, гонятъ насъ на лютую смерть?

„Не спрашиваютъ они коней: хотятъ ли они итти съ ними на войну, а осѣдлаютъ, посадятся на нихъ и ѣдутъ воевать; о томъ не подумаютъ, что, быть-можетъ, нашему брату вовсе нѣтъ никакой охоты умирать, и знаючи, за что умираютъ. Да и безъ войны, мало ли какъ утѣсняетъ насъ человѣкъ, какъ ругается надъ нами! Накладетъ въ свои повозки или въ сани всякой тяжести, запряжетъ нашего брата и заставляетъ тащить, а самъ, погоняя, лупитъ его немилосердно бичами и по спинѣ, и по головѣ, и по чему попало, безъ малѣйшей жалости, пока до смерти забьетъ: случается, бѣдная лошадь тутъ и духъ испуститъ; а иныя отъ непомѣрной тягости надорвутся, ноги себѣ изломаютъ, безсердечный тиранъ покинетъ ихъ издыхать, а самъ другихъ коней запряжетъ на ту же муку. Ахъ, братцы! Жестокъ человѣкъ, но и лукавъ: не обольщайтесь его коварствомъ. Прикидывается человѣкъ, будто любитъ насъ, расхваливаетъ насъ передъ другими людьми. Не вѣрьте ему. Не прельщайтесь и тѣмъ, что онъ будто заботится о приращеніи нашей породы, собираетъ табунъ кобылъ, припускаетъ къ нимъ жеребцовъ... Для себя онъ это дѣлаетъ, а не для насъ: хочетъ, чтобъ наша порода плодила и доставляла ему невольниковъ. Однихъ изъ насъ онъ оставляетъ для приплоду, зато другихъ, и въ гораздо большемъ числѣ, варварски уродуетъ, лишаетъ возможности оставлять потомство и осуждаетъ ихъ на вѣчный невольный трудъ и всякаго рода муки. Деспотъ развращаетъ нашу благородную породу, хочетъ, чтобъ и между нами былъ такой общественный строй, какъ между людьми, что одни блаженствуютъ, а другіе страдаютъ

„Однихъ изъ нашего брата онъ досыта кормитъ овсомъ и сѣномъ; ихъ работою не томятъ, если и запрягутъ или осѣдлаютъ, то на короткое время, жалѣютъ ихъ и на отдыхъ посылаютъ; стоятъ себѣ въ конюшняхъ да овесецъ кушаютъ вволю, а какъ выпустятъ ихъ погулять, то играютъ, скачутъ, веселятся, иные же и въ стойла не ставятся; гуляютъ себѣ въ полѣ съ кобылами на полной свободѣ въ раздольѣ, зато другіе, всегда впроголодь, изнемогаютъ отъ безпрестанной гоньбы и тягостной возки, никакой награды себѣ не ожидая за труды свои, кромѣ ударовъ бичами!

„Братцы! Развѣ у васъ нѣтъ копытъ и зубовъ? Развѣ не умѣете брыкать и кусаться? Или безсильны вы стали? Но посмотрите: какъ часто тиранъ больно платится за свою наглость, когда нападаетъ на такого ретиваго коня, который, въ порывѣ сознанія своего конскаго благородства, вырвется такъ, что четверо злодѣевъ не могутъ удержать его, а коли хвастливый и дерзкій деспотъ отважится вскочить ему на спину, онъ сброситъ его подъ себя, да еще иногда и ногами притопчетъ, такъ что наглецъ послѣ того нѣсколько дней лежитъ больнымъ!

„Деспотъ считаетъ насъ до того глупыми и рабски покорными, что не боится самъ давать нашему брату оружіе противъ себя. Вздумалъ же онъ вколачивать гвозди намъ въ копыта! Подкованныя лошади! Обратите на тирана его же данное вамъ оружіе: поражайте его подковами! А вы, неподкованныя, докажите ему, что и безъ подковъ копыта ваши настолько крѣпки и увѣсисты, что вы можете ими показать свое превосходство предъ человѣкомъ! И подкованныя и неподкованныя, дружно и единокопытно возстаньте на лютаго врага.

„Кромѣ копытъ, пустите въ дѣло и ваши зубы. Ими также можете причинить не мало вреда нашему поработителю! Идемте добывать себѣ свободы! Будетъ вамъ вѣчная слава отъ всѣхъ грядущихъ лошадиныхъ поколѣній на многіе вѣка. Да не только отъ лошадинаго рода, а и отъ прочихъ скотовъ будетъ вамъ слава: всѣ пойдутъ разомъ съ нами! Весь посѣянный человѣкомъ овесъ будетъ нашъ на корню, со всею травою. Никто не посмѣетъ насъ выгонять оттуда, какъ прежде дѣлалось. Не станутъ уже насъ болѣе ни запрягать, ни сѣдлать, ни подгонять бичами. Вольность! Вольность! Въ бой, братцы! За общую свободу всѣхъ скотовъ, за честь лошадинаго племени“.

Отъ такихъ рѣчей раздалось буйное ржаніе, мятежные взвизги, громоподобный топотъ, метаніе ногъ на воздухъ и обычные звуки, сопровождающіе конскую удаль.

„На человѣка! На человѣка! На лютаго тирана! Лягать его! Бить его! Кусать его!“

Такіе возгласы слышались изъ табуна тому, кто былъ въ состояніи понимать конскій языкъ. Рогатый скотъ съ восторгомъ увидалъ, что возстаніе, вспыхнувшее сначала въ его средѣ, перешло уже къ лошадиной породѣ. Волы и коровы отважно забодали рогами и всѣ воинственно замычали. И рогатые и копытчатые двумя ополченіями двинулись по направленію къ усадьбѣ.

Вправо отъ табуна, на другомъ взгорьѣ, отдѣляемомъ оврагомъ отъ того, на которомъ паслись лошади, бродили козы и овцы. Увидя смятеніе въ стадѣ рогатаго скота и въ табунѣ, и тѣ заволновались, и всѣмъ своимъ стадомъ стали порываться къ воламъ и лошадямъ. Но имъ приходилось перепрыгивать черезъ оврагъ, который былъ не широкъ, или обходить его. Козлы считали себя какъ бы самою природою предназначенными ходить въ головѣ стада; замекекавши, бросились они къ оврагу и съ козлиною живостью перепрыгнули черезъ него, гордо поднявши головы и тряся бородами, ожидали какъ будто одобренія своему ухарству. За ними козы также легко перепрыгнули черезъ оврагъ. Но овцы оказались не такъ ловкими. Нѣкоторыя, правда, послѣдовавши за козами, очутились на другой сторонѣ оврага, но многія попадали въ оврагъ, ползали по дну его, карабкаясь другъ по дружкѣ, и жалобно блеяли. Это не удержало заднихъ послѣдовать ихъ примѣру. Онѣ бѣжали по направленію, указанному передними, и очутились также въ глубинѣ оврага. Перешедшія черезъ оврагъ сами не знали, что̀ имъ теперь дѣлать, и толпились въ кучку, испуская какое-то глуподемократическое блеяніе.

Бараны метались изъ стороны въ сторону, наталкиваясь лбами одинъ на другого.

Такое смятеніе между скотами разныхъ породъ увидали свиньи, двигавшіяся съ противоположной стороны

по дорогѣ, ведущей изъ поля въ село. Сразу обуялъ ихъ революціонный духъ, вѣроятно, проникшій въ свинское общество заранѣе. Кабаны, вырывая землю клыками, забѣгали впередъ и повернули по дорогѣ, ведущей прямо къ господской усадьбѣ, а за кабанами все хрюкающее стадо побѣжало по той же дорогѣ и подняло такую пыль, что за нею нельзя было видѣть солнца.

Омелько, увидавши тревогу между скотами, бросился по дорогѣ, по которой бѣжали свиньи, и думалъ съ ними начать укрощеніе мятежниковъ. Разумѣя хрюкающую рѣчь, Омелько услыхалъ, что кабаны возбуждали прочихъ свиней не отставать отъ иныхъ скотовъ, возставшихъ противъ невыносимой власти человѣка.

До ушей Омелька доходили возбудительныя припоминанія о засмоленныхъ къ рождественскому празднику кабанахъ, о щетинахъ, вырванныхъ изъ спинъ живыхъ свиней, о заколотыхъ въ разныя времена поросятахъ. Толстая свинья хрюкала объ оскорбленіяхъ, которыя наноситъ человѣкъ свинской породѣ, обзывая свинствомъ то, что ему кажется противнымъ. Другая свинья, бѣжавшая съ нею рядомъ, отвѣчала: „это еще ничего, а хуже то, что человѣкъ, презирая свиней и ругаясь надъ ихъ свойствами, колетъ ихъ на сало, приготовляетъ изъ свиного мяса окорока и колбасы. Мясо и сало наше тиранамъ по вкусу приходится. Живую свинью они хуже всякой иной твари считаютъ, а зарѣзанной свиньѣ честь пуще, чѣмъ другимъ, воздаютъ, какъ будто въ поруганіе надъ нашимъ свинскимъ родомъ“.

Такъ, бѣгучи по дорогѣ къ господской усадьбѣ, хрюкали свиньи, возбуждая одна въ другой ненависть къ человѣку.

— Съ чего будемъ начинать?—спрашивали онѣ другъ друга, когда уже до господской усадьбы оставалось недалеко.

— Наше дѣло—землю рыть,—отвѣчали другія.—Повалимъ прямо въ господскій садъ; тамъ у господъ есть огородныя овощи. Всѣ грядки изроемъ. Потомъ ворвемся въ господскій цвѣтникъ, что господа устроили около хоромъ себѣ на утѣху: все тамъ кверху дномъ перевернемъ, по-свински! Пусть у людей надолго останется объ этомъ садѣ и цвѣтникѣ память, что тамъ свиньи побывали!

Омелько, нѣсколько минутъ бѣжавшій рядомъ со свиньями, все еще не теряя надежды удержать ихъ набѣгъ и завернуть свинское стадо назадъ, рѣшительно отказался отъ своего намѣренія послѣ того, какъ одинъ кабанъ грозилъ заколоть его клыками. Омелько самъ свернулъ съ дороги и побѣжалъ по прямому направленію къ усадьбѣ полемъ.

Какъ только Омелько явился въ господскомъ дворѣ и принесъ туда вѣсть о всеобщемъ поголовномъ возстаніи скотовъ, я съ двумя своими сыновьями отправился на вышку, построенную на зданіи господскаго дома, и смотрѣлъ въ зрительную трубу. Сначала взбунтовавшіеся скоты, устремлявшіеся къ усадьбѣ, мнѣ показались тучею, потомъ полчища ихъ стали обозначаться яснѣе. Въ мою зрительную трубу увидалъ я, какъ лошади, бѣгучи, по временамъ брыкали, а быки выпучивали впередъ свои рогатыя головы. И тѣ и другіе, какъ видно, тѣшились въ воображеніи, какъ они будутъ насъ лягать и бодать.

Уже тѣ и другіе были недалеко отъ усадьбы. Овцы съ козами стояли у оврага, какъ бы въ раздумьѣ, что имъ дѣлать, и только блеяли и мекекали. Сбѣжавши съ вышки въ домъ, я мимоходомъ глянулъ въ окно, выходившее въ садъ, и увидалъ, что свиньи уже вторгнулись туда черезъ то мѣсто, гдѣ деревянный заборъ, ограждавшій садъ, былъ разрушенъ и оставался неисправленнымъ. Однѣ съ неистовствомъ опустошали грядки съ картофелемъ, рѣпою, морковью и другими овощами, и жадно пожирали коренья, другія, опередивши остальныхъ, ворвались уже въ цвѣтникъ, расположенный подъ самою стѣною господскаго дома, гдѣ находились окна, черезъ которыя я смотрѣлъ: я видѣлъ, какъ нахальныя свиньи своими рылами вывертывали изъ земли розаны, лиліи и піоны.

Я побѣжалъ въ комнату, гдѣ у меня хранилось оружіе, взялъ для себя и для своихъ двухъ сыновей по ружью, кромѣ того, роздалъ по ружью каждому изъ прислуги и вышелъ на крыльцо, обращенное къ дворовымъ воротамъ. Я приказалъ запереть ворота и калитки, ведущія во дворъ съ наружной стороны. Самое слабое у насъ мѣсто было въ саду, куда уже прошли свиньи, и опасно казалось, чтобъ и прочіе скоты не устремились туда же, но намъ подавало послѣднюю надежду, что, если бъ имъ удалось овладѣть садомъ, то въ нашемъ владѣніи оставался еще дворъ, куда изъ сада проникнуть непріятелю было невозможно иначе, какъ развѣ обративши въ развалины зданіе господскаго дома, отдѣлявшее дворъ отъ сада.

Входя въ домъ за ружьями, я далъ приказаніе одному служителю съѣздить верхомъ за городъ, отстоявшій отъ нашего города на пятнадцать верстъ, и просить исправника распорядиться о присылкѣ воинской силы для укрощенія мятежа. Мѣра эта не удалась. Едва мой посыльный, взявши верхового коня, выѣхалъ за ворота, какъ этотъ конь сбросилъ съ себя своего сѣдока и убѣжалъ къ мятежнымъ лошадямъ.

У меня было не мало собакъ. Я иногда ѣзжалъ на охоту. Собаки, какъ и слѣдовало было ожидать, судя по составившейся объ ихъ породѣ репутаціи, не показывали ни малѣйшей наклонности пристать къ мятежу. На нихъ мы положились. Но ихъ надобно было раздѣлить на два отряда: одинъ отправить въ садъ, чтобы, если можно будетъ, выгнать оттуда свиней, другой—поставить стеречь входъ въ ворота двора и отбивать напоръ скотовъ, если бы тѣ стали овладѣвать этимъ входомъ. Ограда около двора была кирпичная, но не высокая.

Лошади, поднимаясь на дыбы, уже зацѣпляли передними ногами окраину ограды и показывали намъ черезъ нее свои злобныя морды, но не въ силахъ были перепрыгнуть черезъ ограду.

На крыльцо ко мнѣ прибѣжала женщина съ новымъ угрожающимъ извѣстіемъ. На птичномъ дворѣ вспыхнулъ бунтъ. Первые поднялись гуси. Кто знаетъ, какими путями проникъ къ нимъ на птичный дворъ мятежный духъ, уже охватившій четвероногихъ домашнихъ животныхъ, только гуси своимъ змѣеподобнымъ шипѣніемъ обличили злой умыселъ—ущипнуть птичницу. Едва та успѣла шагнуть къ воротамъ птичнаго двора, какъ послышалось либеральничающее кахтанье утокъ, которыя при этомъ съ такимъ нахальнымъ видомъ переваливались съ боку на бокъ, какъ будто хотѣли сказать: „да намъ теперь и человѣкъ ни почемъ!“ За ними индюки, распустивши надменно хвосты свои, собрали вокругъ себя индѣекъ и разомъ съ ними загорланили такимъ дикимъ крикомъ, какъ будто хотѣли имъ кого-то испугать.

Большой пѣтухъ огненнаго цвѣта подалъ своимъ крикливымъ голосомъ возмутительный сигналъ, вслѣдъ за нимъ закукарекали другіе пѣтухи, закудахтали куры, и все курное общество начало подлетывать, то усаживаясь на жердяхъ хлѣва, то слетая оттуда на землю.

Омелько, заглянувши въ куриный хлѣвъ, услыхалъ, что куры, поднявъ крыло возстанія, грозятъ клевать людей въ отмщеніе за всѣхъ зарѣзанныхъ поваромъ куръ и цыплятъ, за всѣ отнятыя у насѣдокъ яйца.

Получивши такое извѣстіе, мы недолго оставались на крыльцѣ. Я замѣтилъ, что мы стали слишкомъ низко, и что намъ надлежало бы избрать другую, болѣе возвышенную позицію. Оглядывая кругомъ нашъ дворъ, я сообразилъ что на всемъ его пространствѣ нѣтъ выше

пункта, какъ деревянная башня, служившая голубятнею, и мы, сошедши съ домоваго крыльца, направили къ ней шаги свои, рѣшаясь взойти на ея высоты и тамъ отбиваться до тѣхъ поръ, пока насъ или не достанутъ оттуда и не растерзаютъ взбунтовавшіяся животныя, или пока насъ не избавитъ отъ гибели какой-нибудь непредвидѣнный случай. Но на пути къ голубятнѣ встрѣтило насъ неожиданное явленіе: четыре кота сидѣло вмѣстѣ на землѣ: двое изъ нихъ были изъ господскаго дома и одинъ, претолстый котище бѣлой масти съ большими черными пятнами на спинѣ и на брюхѣ, любимецъ женской прислуги, большой мышеядецъ, пріобрѣвшій себѣ громкую славу во всемъ дворѣ побѣдами надъ огромными крысами.

Этотъ котъ, всегда ласковый, привѣтливый, всегда нѣжно около человѣка мурлычащій и трущійся, теперь, ни съ сего ни съ того, сидя посреди двора съ другими котами, устремилъ на насъ такіе зловѣщіе взоры, что, казалось, готовился броситься намъ въ лицо съ выпущенными когтями.

Собаки не внушали намъ подозрѣній въ измѣнѣ, но о кошачьей породѣ издавна сложились иныя мнѣнія.

Такъ вотъ и казалось, что этотъ домашній нашъ котъ, въ критическую для насъ минуту опасности отъ враговъ, сыграетъ съ нами такую роль, какую когда-то сыгралъ Мазепа съ Петромъ Великимъ. Мы невольно остановились, увидя передъ собой кошачью группу, но мой меньшой сынъ, не думая долго, свистнулъ на собакъ и, указавши имъ на котовъ, крикнулъ: „ату ихъ!“ Собаки бросились на котовъ, а тѣ въ испугѣ пустились въ разныя стороны. Я видѣлъ, какъ толстый пестрый котъ полѣзъ по одному столбу изъ поддерживавшихъ крыльцо дома и, уцѣпившись когтями за стѣнку столба, оборачивалъ голову назадъ и глядѣлъ угрожающими глазами на собаку, хотѣвшую достать его, испуская вмѣстѣ съ тѣмъ звуки, свойственные кошачьей природѣ въ минуты гнѣва и раздраженія.

Дошли мы до голубятни, стали всходить наверхъ по узкой лѣстницѣ; тутъ стали на насъ налетать голуби, какъ будто намѣреваясь насъ задѣть крыльями и клюнуть клювомъ. Мы стали отъ нихъ отмахиваться, подозрѣвая, что и эти птицы, кроткія и нѣжныя, какими привыкли мы ихъ считать, также увлеклись мятежнымъ духомъ, овладѣвавшимъ все и четвероногое и двуногое царство подвластныхъ человѣку животныхъ; и они, казалось намъ, вспомнили тѣ горькія для нихъ минуты, когда къ нимъ на голубятню появлялся поваръ съ своимъ убійственнымъ ножомъ искать голубятъ на жаркое.

У васъ въ великороссійскихъ губерніяхъ голубей не ѣдятъ, и если бы тамъ у васъ произошелъ такой бунтъ домашнихъ тварей противъ человѣка, то вы бы со стороны голубей были совершенно застрахованы отъ всякой опасности. Впрочемъ, и у насъ, въ описываемыя минуты, голуби не показали продолжительной вражды къ человѣку. Мой меньшой сынъ выстрѣлилъ изъ пистолета, и голуби разлетѣлись.

Тогда мы безпрепятственно заняли высоты голубятни и смотрѣли оттуда на огромное полчище рогатаго скота и лошадей, облегавшее нашу усадьбу. Отъ рева, визга и ржанья во дворѣ невозможно было ни говорить ни слушать.

Омелько, выбѣжавши изъ птичнаго двора, метался по двору, какъ угорѣлый; видно было, что и онъ, какъ всѣ мы, потерялъ голову. Я позвалъ его на голубятню и сказалъ:

— Ты одинъ знаешь скотскій языкъ и умѣешь съ ними объясняться. Конечно, за дворъ я тебя не пошлю, потому что, чуть только ты высунешь голову со двора, какъ тебя заколетъ какой-нибудь быкъ, или закусаетъ кобыла, а потомъ они ворвутся въ ворота, и всѣмъ намъ капутъ придетъ. А вотъ что: нельзя ли тебѣ взлѣзть на ограду и оттуда уговаривать бунтовщиковъ. Попытайся!

Омелько отправился исполнять порученіе. Мы съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за его движеніями, видѣли, какъ, подставивши лѣстницу, онъ взобрался на ограду, но не могли разслышать, на какомъ языкѣ онъ обращался къ мятежникамъ. Мычалъ ли онъ, ржалъ ли, не знаемъ. Но услышали мы за оградою ужаснѣйшій шумъ и увидали, какъ Омелько, соскочивши съ ограды, шелъ къ намъ и махалъ руками, какъ дѣлаютъ тогда, когда хотятъ показать, что задуманное не удается.

— Ничего, баринъ, не подѣлаемъ съ разбойниками! — сказалъ онъ, пришедши къ намъ на голубятню.—Я ихъ сталъ было усовѣщевать; я имъ говорилъ, что самъ Богъ сотворилъ ихъ на то, чтобъ служили человѣку, а человѣкъ былъ бы ихъ господиномъ! Но они всѣ заорали: „какой такой Богъ! Это у васъ, у людей, какой-то есть Богъ! Мы, скоты, никакого Бога не знаемъ! Вотъ мы васъ, тирановъ и злодѣевъ, рогами забодаемъ!“ — крикнули рогатые. „Копытами залягаемъ!“—произнесли лошади. „Зубами загрызёмъ!“—закричали разомъ и тѣ и другіе.

— Что жъ намъ теперь дѣлать, Омелько?—спрашивалъ я въ невыразимой тревогѣ.

— Одно средство осталось, — сказалъ Омелько. — Сказать имъ, что отпускаемъ на волю всѣхъ: и воловъ, и коровъ, и лошадей! Идите, молъ, себѣ въ поле, паситесь, какъ знаете, можете съѣсть все, посѣянное на нивахъ. Васъ-де мы не станемъ принеболивать ни къ какимъ работамъ, ступайте!

„Такъ они, обрадовавшись, разойдутся по полямъ, а съ овцами, свиньями и съ птицею мы какъ-нибудь сладимъ.

„Намъ бы только вотъ этихъ рогатыхъ да копытчатыхъ спровадить: они только намъ опасны, потому что сильны! А какъ пойдутъ въ поле, такъ не долго натѣшатся: сами же межъ собою передерутся, перегрызутся, а хоть и поля потолкутъ, такъ вѣдь не многія, уже бо̀льшая часть хлѣба убрана, остальное же хоть и пропадетъ, да зато мы всѣ останемся цѣлы и живы. Жалче всего только сѣна въ стогахъ. Они его, разбойники, все истребятъ!

„Сами же скоты не будутъ знать, что имъ съ собой дѣлать, и тогда можно будетъ найти способы, какъ ихъ подобрать снова подъ власть нашу. Самый долгій срокъ ихъ волѣ будетъ, если будутъ бродить въ поляхъ до заморозовъ, а уже когда въ полѣ ничего расти не будетъ, тогда и сами къ намъ придутъ! А вѣдь до осени ужъ не такъ далеко!“

Я разрѣшилъ Омельку поступить такъ, какъ онъ замыслилъ. Онъ снова полѣзъ на ограду, и мы еще съ бо̀льшимъ вниманіемъ, чѣмъ прежде, слѣдили за его движеніями. Спустя нѣсколько минутъ все осаждавшее дворъ полчище скотовъ стремглавъ бросилось съ ревомъ и ржаніемъ въ поле. Лошади и волы прыгали, видно было, что это дѣлается отъ радости.

Омелько слѣзъ съ ограды, пришелъ къ намъ и говорилъ:

— Избавились, слава Тебѣ, Господи! Удалось-таки спровадить лошадей и рогатый скотъ. Пустите всѣхъ собакъ въ садъ на свиней, а вся дворня пусть идетъ усмирять птицу, я же потомъ пойду усмирю козъ и овецъ.

— Какъ это ты спровадилъ рогачей и копытниковъ?— спрашивалъ я у Омелька.

— А вотъ какъ,—объяснялъ Омелько. — „Чего вамъ нужно,—спросилъ я ихъ,—скажите прямо. Можетъ-быть, мы вамъ все сдѣлаемъ, чего вы захотите“. — „Воли! Воли!“—закричали разомъ и рогатые и копытчатые. А я имъ сказалъ: „Ну что жъ? Идите на волю! Ступайте въ поле, потолките всѣ хлѣба, что остались еще на корню. Мы васъ уже не станемъ употреблять ни на какія работы. Вольные будете себѣ!“ Они, какъ это отъ

меня услышали, такъ тотчасъ съ радости затопали, забрыкали, крикнули: „Мы вольные! Мы вольные! Мы себѣ воли добыли! Гулять на волѣ! Наша взяла! Воля, воля!“ И побѣжали.

— Молодецъ Омелько,—сказалъ я ему,—честь великая и хвала тебѣ! Ты насъ всѣхъ отъ бѣды избавилъ.

Мы сошли съ голубятни. Я приказалъ собрать всѣхъ собакъ, провести черезъ домъ въ садъ и присоединить къ тѣмъ, которыя туда были отряжены заранѣе расправляться со свиньями. До сихъ поръ дѣло ихъ не могло итти вполнѣ успѣшно, такъ какъ число высланныхъ въ садъ собакъ было не велико до прибытія къ нимъ на помощь тѣхъ, которыя оставались во дворѣ. Когда собаки проведены были въ садъ, я вошелъ въ домъ и сталъ у окна, уставивъ въ открытое окно заряженную винтовку. Я нацѣлился въ кабана, который въ цвѣтникѣ трудился надъ кустомъ сирени, стараясь выдернуть его съ корнемъ изъ земли. Пуля пробила хищника насквозь.

Свиньи, испуганныя выстрѣломъ, повалившимъ дерзновеннѣйшаго ихъ воителя, напираемыя отовсюду собаками, покинули цвѣтникъ и побѣжали къ тѣмъ своимъ товарищамъ, которые въ концѣ сада расправлялись съ огородными овощами. Собаки не давали имъ ни прохода ни отдыха: однѣ вцѣплялись свиньямъ въ ноги, другія забѣгали впередъ и хватали свиней за уши, и тащили подъ жалобные звуки свиного стенанія. Вслѣдъ за собаками побѣжало двое слугъ съ ружьями, дали два выстрѣла, ранили двухъ свиней и тѣмъ придали собакамъ ярости и задора.

Вскорѣ садъ былъ очищенъ отъ свиней, собаки гнались за ними по дорогѣ, по которой побѣжали свиньи, поднявшія такую тучу пыли, какъ и тогда, когда въ воинственномъ свиномъ задорѣ бѣжали по той же дорогѣ на приступъ къ саду.

Мы отправились на птичный дворъ. Тамъ царствовалъ безпорядокъ въ полномъ разгарѣ. Все летало, подлетывало, скакало, подскакивало, прыгало, металось, бѣгало и на всякіе голоса выкрикивало: и гоготало, и шипѣло, и свистало, и охало, и кудахтало, и кукарекало. Меньшой мой сынъ выстрѣлилъ изъ пистолета. Птичье общество сперва какъ будто еще сильнѣе заволновалось отъ этого выстрѣла, но тотчасъ же, оторопѣвъ, утишилось на мгновеніе. Омелько воспользовался такимъ мгновеніемъ и крикнулъ:

— Зачѣмъ безъ толку орете? Скажите намъ, чего хотите. Что вамъ нужно? Мы для васъ все сдѣлаемъ.

— Воли! Воли!—закричала птица своими различными языками.

— Воли! Воли!—произнесъ Омелько, видимо, передразнивая птицу.—Ну, хорошо. Мы вамъ дадимъ волю. Гуси и утки! Вонъ ваша дикая, вольная братія, какъ высоко летаетъ! Летите и вы къ нимъ. Мы вамъ позволяемъ. Мы васъ не держимъ! У васъ есть крылья: летите!

— Да какъ намъ летѣть, коли силъ на то нѣтъ!—прогоготали гуси.—Наши предки были такіе же вольные, какъ вонъ и тѣ, что теперь тамъ высоко летаютъ. А вы, тираны, взяли ихъ въ неволю, и отъ нихъ пошли наши дѣды и родители, и мы всѣ родились уже въ неволѣ, и черезъ эту самую неволю мы всѣ не умѣемъ уже летать, какъ летаютъ тѣ, что вольными остались

— Не наша въ томъ вина,—сказалъ Омелько.— Разсудите сами вашимъ гусинымъ и утинымъ умомъ. Развѣ мы васъ въ неволю съ воли забирали? Развѣ мы съ вами что-нибудь такое сдѣлали, что вы летать высоко не можете? Вы у насъ изъ яицъ вылупились и съ первыхъ дней вашихъ до сего часа летать не умѣли, да и ваши отцы и дѣды, что у насъ жили, тоже не летали такъ, какъ эти вольные дикіе летаютъ. Ваша порода стала въ подчиненіи у человѣка уже давно, такъ давно, что не только вы съ вашею гусиною памятью, да и мы съ нашею человѣчьею не можемъ сказать, какъ давно! Тѣхъ, что вашихъ предковъ взяли когда-то въ неволю, нѣтъ давно на свѣтѣ. Мы же, что теперь живемъ на свѣтѣ, чѣмъ тутъ виноваты, что вы летать высоко не умѣете? Мы васъ отпускаемъ на волю! Летите! А коли не умѣете, такъ насъ въ томъ не вините.

Гуси отвѣчали:

— Мы не въ силахъ летѣть и остаемся у васъ. Только вы насъ не рѣжьте. Намъ жить хочется.

Вслѣдъ за гусями въ такомъ же смыслѣ прокахкали и утки.

Омелько на это сказалъ:

— Вамъ жить хочется,—говорите вы.—Но вѣдь вамъ, я думаю, и ѣсть хочется. Какъ же вы хотите, чтобы мы васъ кормили, а отъ васъ за то не получали себѣ никакой пользы. Нѣтъ, нѣтъ. Этакъ нельзя. Летите себѣ, коли не хочется, чтобы васъ рѣзали. Летите себѣ на волю. Не держимъ васъ насильно. А коли хотите у насъ оставаться и кормъ отъ насъ получать, такъ и намъ что-нибудь доставляйте. Мы васъ кормимъ, за то, васъ и рѣжемъ. И отъ васъ хотимъ кормиться, за то что вамъ даемъ кормъ. Что за бѣда, если когда-нибудь поваръ вашего брата-гуся на жаркое зарѣжетъ! Не всѣхъ же васъ разомъ порѣжетъ! Хуже было бы, когда бы вы пошли на волю, да на васъ напалъ бы лютый звѣрь или злая птица. Всѣхъ бы васъ разомъ истребили. А у насъ когда—не когда случится, что поваръ двухъ-трехъ какихъ-нибудь гусей или утокъ зарѣжетъ. Зато вы всѣ поживаете у насъ въ добрѣ и холѣ. Сами собою вы никогда на волѣ не проживете, какъ у насъ. Попробуйте, полетите, поживите на волѣ!

— Куда намъ летѣть, когда силъ нѣтъ!—повторили гуси.

То же произнесли утки своимъ кахканьемъ.

— Такъ живите смирно и не бунтуйте!—сказалъ внушительно Омелько и обратился къ курамъ съ такою рѣчью:—А вы, куры-дуры! Тоже захотѣли воли! Летите и вы, скорѣй летите да поднимайтесь повыше, погуляйте по поднебесью, узнаете, какъ тамъ поживется безъ насъ, на полной волѣ. Да вы, дуры, сажня на два отъ земли не въ силахъ подлетѣть: васъ и хорьки, и кошки, и ласточки, и орлы заѣдятъ, и коршуны цыплятъ вашихъ расхватаютъ, и сороки и вороны яицъ вамъ высидѣть не дадутъ! Дуры, вы, дуры набитыя! Ужъ вы-то, паче всѣхъ другихъ птицъ на свѣтѣ, безъ нашего брата-человѣка жить не можете. Смиритесь же, глупыя, и покоряйтесь; такая, видно, наша съ вами судьба, что намъ надобно васъ стеречь и кормить, а за то васъ рѣзать и яйца ваши брать.

Куры закудахтали самыми покорными звуками. Пѣтухи весело закукарекали, а Омелько объяснилъ намъ, что это они признаютъ справедливость нашихъ наставленій и обѣщаютъ впередъ совершенную покорность.

Вся птица, казалось, успокоилась и осталась въ довольствѣ, только индѣйки, по своему обычаю, охали, жалуясь на свою горемычную, ничѣмъ непоправимую долю.

Омелько отправился къ овцамъ и козамъ. Тѣ овцы, которыя успѣли перебраться черезъ оврагъ, стояли, все еще сбившись въ кучку, и не двигались далѣе, поглядывая глупо на свою братью, попадавшую въ оврагъ. Бѣдныя барахтались въ глубинѣ оврага и не знали, какъ изъ него выкарабкаться по его крутымъ стѣнкамъ; хотя и была возможность выйти оттуда, проходя по прямой длинной рытвинѣ, но у овецъ не хватало настолько смекалки. Козлы, стоявшіе напереди, какъ только увидали идущаго противъ нихъ Омелька, затопали ногами и, выставляя передъ нимъ свое козлиное достоинство, поднимали кверху свои бородатыя головы и покручивали рогами, какъ будто хотѣли тѣмъ произнести: „не подходи! Заколемъ!“

Но Омелько, нашедши длинную хворостину, хватилъ одного-другого по бокамъ и отогналъ прочь, потомъ позвалъ пастуховъ и велѣлъ имъ вытягивать и выгонять

изъ глубины оврага попадавшихъ туда овецъ и всѣхъ ихъ гнать въ овчарню.

— Смотрите у меня!—кричалъ онъ вслѣдъ овцамъ.— Вздумаете бунтовать, будетъ вамъ бѣда! Велимъ зачинщиковъ на сало порѣзать! Вишь, дуры! Туда жъ и онѣ: захотѣли воли! Да васъ, глупыя, тотчасъ бы всѣхъ волки поѣли, если бы мы, люди, отпустили васъ отъ себя на волю! Благодарите насъ за то, что мы такіе милостивые, прощаемъ васъ за вашу глупость!

Овцы заблеяли голосомъ благодарности, какой требовалъ отъ нихъ Омелько.

Стадо рогатаго скота и конскій табунъ, получивши черезъ Омелька разрѣшеніе на полную свободу, сначала, побѣжавши въ поле, предавались тамъ неистовому восторгу, скакали, прыгали, бѣгали, мычали, фыркали, ржали и, въ знакъ взаимнаго удовольствія, становились задними ногами на дыбы и обнимались передними.

Оканчивался уже августъ. Поля были сжаты и скошены. Хлѣба были почти увезены и сложены въ скирды. Оставалось немного десятинъ неснятыхъ хлѣбовъ такихъ породъ, которыя позже всѣхъ убираются. Скоты напали на одну неснятую полосу гречихи и потоптали такъ, что не осталось ни одного цѣлаго стебелька. Отправились они далѣе искать себѣ еще какой-нибудь не убранной нивы, наткнулись еще на одну и тамъ произвели то же. Но тутъ рушилось согласіе между рогачами и копытниками,—согласіе, недавно установившееся по поводу ихъ взаимнаго домогательства свободы. Не знаю, собственно, за что у нихъ возникло несогласіе, но только рогачи стали бодать копытниковъ, а копытники—лягать рогачей: и тѣ и другіе разошлись въ разныя стороны. Послѣ того и въ стадѣ тѣхъ и другихъ произошло внутреннее раздвоеніе.

Поводомъ къ тому, вѣроятно, былъ споръ самцовъ за самокъ, подобно тому, какъ и въ нашемъ человѣческомъ обществѣ споръ за обладаніе прекраснымъ поломъ часто бываетъ источникомъ нарушенія согласія и дружбы и ведетъ къ печальнымъ событіямъ.

И рогатое стадо и конскій табунъ разбились на отдѣльныя группы, которыя, оторвавшись отъ цѣлой громады, уходили подальше отъ прежнихъ товарищей. Омелько превосходно изучилъ скотскіе нравы, заранѣе разсчиталъ на это свойство, когда отпускалъ скотовъ на волю: онъ потомъ сталъ слѣдить за отпущенными. Онъ встрѣтилъ бродившія отдѣльно толпы воловъ и лошадей и силою своего краснорѣчія убѣдилъ тѣхъ и другихъ воротиться въ село.

Омелько прельстилъ ихъ обѣщаніями дать имъ много сѣна, а лошадямъ еще и овса, другіе, оторвавшись отъ громады, забрели на чужія поля, попортили чужіе хлѣба, стянули сѣнца изъ стоговъ, стоявшихъ на полѣ, и сами попались въ неволю.

Омелько, узнавши о такой ихъ судьбѣ, выкупалъ ихъ у чужихъ хозяевъ, заплативши послѣднимъ за убытки, нанесенные скотами, а выкупленныхъ погналъ въ свое село.

Наконецъ, какъ предвидѣлъ Омелько, самые задорные и упрямые скоты бродили по полямъ до глубокой осени, когда уже на корню нигдѣ не оставалось ничего и сталъ выпадать снѣгъ. Въ предшествовавшую осень, какъ вамъ, я думаю, извѣстно, это произошло ранѣе, чѣмъ бываетъ. Скоты, видя, что уже имъ въ поляхъ недостаетъ пропитанія, отрезвились отъ обольщеній суетною надеждою вольности и добровольно стали возвращаться въ свои загоны. Тогда пришли съ покорными головами и главные возмутители: бугай, взволновавшій рогачей, и рыжій жеребецъ, поднявшій къ бунту копытниковъ.

И того и другого постигла жестокая кара: бугай, по приговору, составленному Омелькомъ и конфирмованному мною, былъ подвергнутъ смертной казни чрезъ убіеніе дубинами, а жеребецъ—потерѣ производительныхъ способностей и запряжкѣ въ хомутъ для возки тяжестей. Прочіе, по справедливому и нелицепріятному дознанію, произведенному Омелькомъ, понесли наказаніе, соразмѣрно степени ихъ виновности.

Такъ окончился скотской бунтъ у насъ, явленіе необыкновенное, своеобразное и, сколько намъ извѣстно, нигдѣ и никогда неслыханное. Съ наступленіемъ зимняго времени все успокоилось, но что дальше будетъ—покажетъ весна. Нельзя поручиться, чтобы въ слѣдующее лѣто или когда-нибудь въ послѣдующіе годы не повторились видѣнныя нами чудеса, хотя благоразумный и бдительный Омелько принимаетъ самыя дѣятельныя мѣры, чтобъ они болѣе у насъ не повторялись.

